

Дорогие читатели!

В конце 2004 года мы подводим итоги анкеты читателя журнала "Русский язык и литература". Спасибо всем, кто принял участие в опросе. Редакция признательна вам за высокую оценку журнала, оценку труда его создателей. Самой высокой наградой для нас являются ваши слова: "Журнал — мой лучший помощник в работе", "тропинка к мастерству", "единственное издание, ищущее ярко выраженную практическую направленность", "копилка методического опыта", "незаменимый помощник не только молодого учителя", "материалами журнала пользуются не только русисты, но и белорусоведы, и учителя начальных классов"/ "замечательный журнал, его с удовольствием читают мои российские коллеги", "свет в окошке для учителя", "Спасибо за то, что вы есть", "что прочесть, спасибо за радость встреч". Мы благодарны вам за критические замечания и конструктивные предложения прозвучавшие в ваших анкетах. С учетом ваших пожеланий с первого номера 2005 года меняется формат журнала, его оформление.

Обобщенный портрет нашего читателя по результатам анкетирования таков. Возраст — от 21 года до 60 лет. Преобладают женщины, представители сильной половины человечества крайне редко. Образование — высшее. Ярко выражено стремление к образованию, профессиональному совершенствованию. Творческий потенциал — неограниченный. Именно это мы и ценим в вас.

А теперь назовем победителей розыгрыша призов фонда редакции. Главный приз — подписку на журнал "Русский язык и литература" на второе полугодие 2005 г. — получает Екатерина Геннадьевна Курашева (г. Гомель). Поощрительные призы — учебно-методические пособия по русскому языку — получают Светлана Ниюсевича Навценя (г. Брест), Надежда Сергеевна Степанова (г. Витебск), Марина Николаевна Матусевич (г. п. Плещеницы), Валентина Валентиновна Авдеюк (д. Заозерная Малоритского района Брестской области), Ольга Петровна Ульянова (пос. Привольный Минского района), Светлана Федоровна Германович (д. Романовичи Могилевского района), Татьяна Александровна Пашкевич (д. Юрковичи Логойского района).

Поздравляем всех читателей журнала с Новым годом, желаем вам и вашим семьям здоровья и процветания, мира и благополучия, исполнения желаний, творческого вдохновения.

Редакция журнала "Русский язык и Литература"

Научно-методический журнал
Издается с IV квартала 1995 года
Регистрационный № 440

Серия "У дапамогу педагогу"
основана в 1995 году по
инициативе В. П. Пархоменко

12(63) • 2004

Русский язык и литература

Учредитель и издатель —
Учреждение "Издательство
"Адукацыя і выхаванне"

Редакционная коллегия

Главный редактор

Е. Е. Долбик

Первый зам. главного
редактора

Л. А. Мурина

Зам. главного редактора

Р. С. Сидоренко

Ответственный секретарь

Я. Н. Важник

Члены редколлегии

В. Г. Бехтина

Т. Н. Вольнец

С. Я. Гончарова-Грабовская

М. И. Конюшкевич

Ф. М. Литвинко

Г. Л. Нефагина

Г. И. Николаенко

Л. К. Петровская

И. Э. Ратникова

С. К. Черник

2200*04, г. Минск,
ул. Короля, 16;
тел.: 200-82 -03 (отв. секретарь),
200-10-73 <отдел маркетинга>
факс: 200-54-10
e-mail: aiv@mail.by
http://www.aiv.by

1. Рахшина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М., 2000.

2. Яценецкая М. Н. Словообразовательное значение и его виды: Основные понятия. Вып. I. — Томск, 1987.

3. Вайнрайх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981.

4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1974.

5. Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Slowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. — Katowice, 2000.

6. Баранова К. М. Разноструктурные средства выражения посессивности в современном английском языке. — М., 2000.

7. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. — Мн., 1985.

8. Никитевич А. В. Отсубстантивные глаголы и их дискретные соответствия: семантика и комбинаторика составляющих // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. — Munster-London-Hamburg. — 2002, с 281—292.

9. Никитевич В. М. Субстантив в составе номинативных рядов. — Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. — М., 1973.

*Н. В. Супрунчук, аспирант кафедры теоретического
и славянского языкознания БГУ*

Формальные основания рода в русском языке

(О сестрице Мыши и братце Мыше)

Князь у синя моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывет.

А. С. Пушкин. "Сказка о царе Салтане"

русском языке существительные распределяются по родам.

Родовые отличия проявляются в склонении и в сочетаемости слова. Так,

мы говорим *дорогая мама, длинная тень; дорогой мамы, длинной тени; дорогих мам, длинных теней* и т.д. Но мы скажем: *старший брат, резвый конь; старшего брата, резвого коня; старших братьев, резвых коней* и *широкое окно, далекое село; широкого окна, далекого села; широких окон, далеких сел.*

Как же мы узнаем, что одни слова женского рода, а другие — мужского или среднего? В некоторых случаях нам помогает значение: мы ориентируемся на реальный пол. Так, *мама* обозначает лицо женского пола, а *брат* — мужского. Так же мы решаем и для слов *волк* — *волчица* или *парень* — *девушка*.

Но чаще мы сталкиваемся с другой ситуацией: имеется в виду не человек и не животное, а предмет. Предмет же пола не имеет и род существительного подсказать не может. Здесь выбрать род помогает окончание:

- слова на -а (-я) чаще всего женского рода: *сестра, тетя* (искл.: немногочисленные одушевленные типа *дядя, юноша, мужчина*; одушевленные типа *сирота, калека, уродина*);

- слова на -о (-е) почти всегда среднего рода: *село, поле* (искл.: *подмастерье*; слова с суффиксами -ищ- \ *волчище, сапожище* и -ишк-: *домишко, городишко*);

- слова на согласную — мужского рода: *дуб, слон, орел*.

Казалось бы, все ясно и просто. Но есть в русском алфавите особая буква, ни гласная, ни согласная, — это мягкий знак. Если последняя буква в слове — мягкий знак, то однозначно мотивировать родовую характеристику сложнее, ср.: *ясень—осень, день—тень, ларь—тварь*. Неясно, почему первые члены пар мужского рода, а вторые — женского, хотя все эти слова внешне похожи.

К сказанному необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, о терминологии. Когда мы говорим или пишем "гласная буква", "согласная буква", то допускаем некоторую терминологическую вольность. Конечно, буква не может быть ни гласной, ни согласной. Гласным или согласным может быть звук. Сочетание "гласная буква" означает: "буква, передающая на письме гласный звук", сочетание "согласная буква" означает: "буква, передающая на письме согласный звук". Тогда становится ясен особый статус мягкого и твердого знаков: они не передают на письме никаких звуков, и поэтому про них нельзя сказать ни "гласная буква", ни "согласная буква".

И, во-вторых, о методологии. Характеризуя морфемный состав слова, нельзя ограничиваться только письменной формой, надо учитывать его фонемный состав. Поясним это на примере. Рассмотрим два слова: *кон* (карточный термин) и *конь*. Если мы механически выделим у них

одинаковые основы *кон-0* и *кон-ъ*, то трудно будет объяснить неодинаковость окончаний: *два кона — два коня, пять конов — пять коней* и т.д. Разница обусловлена твердостью одного согласного [кон-а] и мягкостью другого [кон'-а], а окончания (фонологически) одинаковые. Уточним, какова основа тех существительных, где последняя буква — мягкий знак. В этом случае основа заканчивается на мягкий согласный звук (кроме [й, г', к', х']) или на шипящий [ж, ш, Ш']. Существительные с таким завершением основы могут быть или мужского рода, или женского. Напротив, все существительные на твердый согласный — только мужского рода.

Попробуем все же найти какие-нибудь формальные правила определения рода. Тут есть несколько ключиков. Во-первых, сразу скажем, что выбирать придется только между мужским родом и женским, средний род обязательно оканчивается на гласную. Во-вторых, большинство мягких знаков принадлежит суффиксу, а они у каждого рода свои: *-ость* для женского и *-тель* для мужского. Исследования показали, что в русском языке всего около 3 900 существительных, орфографически заканчивающихся на мягкий знак: 2 700 имеют суффикс *-ость* (значит, они женского рода: *жестокость, радость*), около 520 — суффикс *-тель* (значит, они мужского рода: *старатель, учитель*) [5, с. 187].

Итак, за вычетом существительных с этими суффиксами, трудных слов немного, около 700 (у них род внешне не обусловлен). Всего существительных, напомним, в русских словарях среднего объема (Ожегов) около 40 тысяч.

Как видим, таких трудно классифицируемых слов очень мало. Но сложностей с ними много. Именно здесь мы находим колебания в роде, именно эти слова трудно запомнить не только детям, но и взрослым. Мы постоянно слышим: *Вымыла голову шампунью*, хотя надо: *Вымыла голову шампунем*. Или: *Покажите вот эту тюль*, хотя надо: *Покажите вот этот тюль*.

Все мы, конечно, любим чудесные пушкинские строки, приведенные в эпиграфе. Но не каждый помнит полное название произведения. Вот оно: "Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди". Во времена А.С. Пушкина слово *лебедь* было женского рода, а сегодня — мужского.

С детства нас радует монолог из комедии Л. Гайдая "Приключения Шурика": "Чей туфля?" — "Моё!" Г. Визин, произнося эти фразы, проиллюстрировал наши обычные трудности с похожими словами: мы нередко сомневаемся, сказать ли *сандалет* или *сандалета, кед* или *кеда* и под.

Все это подтверждает, что у человека (а значит и в языке) нет принципиального запрета на отнесение слов типа *лебедь* к женскому роду.

Можно выделить две группы пар с колебаниями. В первой члены пар в именительном падеже имеют одинаковую форму, хотя принадлежат к разным родам: *рояль, -и — рояль, -я; вермишель, -я — вермишель, -и; вуаль, -я — вуаль, -и; щетень, -и — щетень, -я* и др. Таких случаев около 50 [3, с. 71]. Примеры: *Она Шадила за роялю...* (М. Горький); *Мы присутствуем при последних усилиях борьбы виолончеля за свое самостоятельное существование* (П. И. Чайковский); *Они видят только румяные губки из-под короткого вуаля и прекрасные маленькие ножки* (Л. Толстой. "Анна Каренина").

В другой группе переход в иной род привел к замене окончания: *ботинка — ботинок, санатория — санаторий, фильма — фильм* и др. Этих пар около 100 [3, с. 65]. Примеры: *В прочитанном мною стихотворении была строчка: "Как черной рыбой пляшет мой ботинок". Когда я кончил читать, она [А. Ахматова] сказала: "Мы говорили — ботинка"* (А. Найман. "Рассказы об А. Ахматовой") [Цит. по: 2, с. 166]; *Его нужно было лечить, куда-нибудь в санаторию отправить в Швейцарию* (В. Вересаев) [Цит. по: 7, с. 102].

Абсолютно равноправных родовых вариантов в современном русском литературном языке мало: *малюток/малютка, перкаль, -я/перкаль, -и, присосок/присоска, жилет/жилетка* и некоторые другие. В большинстве случаев "партнеры" чем-либо отличаются друг от друга. Приведем основные признаки, по которым противопоставляются члены таких пар:

- сфера употребления (в литературном языке у слова один род, а в специальном, ограниченном употреблении — другой): профессионализмы: *аневризма* (мед.), *георгина* (ботан.), *клавиш* (технич.), *манжет* (технич.); диалектизмы: обл. *затесь* — лит. *затес*, обл. *папах* — лит. *папаха*, обл. *нашесть* — лит. *нашест*;
- возраст (ранее у слова был один род, теперь — другой): устарели формы женского рода *рояль, фильма, фарса, санатория*; устарели формы мужского рода *виолончель, фреск*;
- значение (у некоторых слов различие в роде сопровождается разницей в значении): *гарнитур* 'комплект, набор предметов, служащих для какой-либо одной цели, например мебельный' — *гарнитура* 'совокупность типографского наборного материала, имеющего одинаковый характер рисунка знаков', *апостроф* 'надстрочный значок в виде запятой' — *апострофа* 'риторический прием', *змея* 'сказочное чудовище; летающая игрушка из бумаги и дерева' — *змея* 'пресмыкающееся', *округ* 'подразделение государственной территории' — *округа* 'окружающая местность'.

Так вольно вели себя эти слова, потому что их род не был подкреплен внешним видом, формой — окончанием. Как мы помним, для жен-

ского рода требуется окончание *-а*, для мужского — нулевое (последняя буква — согласная). Язык стремится объединять такие спорные слова с другими, внешне похожими. Изменения идут, как и следовало ожидать в двух направлениях. Во-первых, слова типа *рояль* получают мужской род, и, во-вторых, формы типа *фреск* преобразуются в *фреска* с закономерным приобретением женского рода. Так, *портфель*, *отель*, *балет* (вместо *балета*), *метод* (вместо *метода*) приняли мужской род, а *канистра* (вместо *канистр*), *плацкарта* (вместо *плацкарт*), *арабеска* (вместо *арабеск*) и под. — женский.

Мы и сегодня можем наблюдать этот процесс выравнивания — на самом обычном примере — на слове *мышь*. Во-первых, форма *мышь* получает мужской род, и, во-вторых, форму *мышь* заменяет форма *мыша* женского рода.

Чекистов:

Мне нравится околесина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного **мыша**
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.

С. Есенин. "Страна негодяев"

Город нам из других причин нужен. Эвон... слышу, баба махонького моего поучает: в **мышу**, говорит, костей нет (Л. Леонов. "Барсуки").

Вот пример из пьесы "Чайник на крыше" современного белорусско-го драматурга М. М. Шелехова:

Альба. ...Я тоже как-то поймал **мыша**. Хотел съесть, а он такой **волосатый**, и уши немые.

Парамоша. Отпустил?

Альба. Уши ему помыл и отпустил.

Встретилась нам и колыбельная.

Вот за печкою сверчок
Повернулся на бочок.
Домовой на чердаке
Спит в дубовом сундуке.
А в подполе два **мыша**
Грызут корку не спеша.

С. Печкин. "Колыбельная"

Как мы видели на примере из С. Есенина, рассматриваемое явление не ново.

В современной литературе несоответствие между формой и значением "исправляется" очень активно. Мы найдем массу форм слова

А Л
1 0 8

цышь в мужском роде (*рядом с мышом*; не *мышью*) или с женскими окончаниями (*возьми мышу*; не *мышь*). Правда, в не совсем стандартных текстах. В литературный язык измененная форма слова *мышь* проникает из трех сфер: диалекты, жаргоны (компьютерный, рыболовецкий и молодежный), высказывания детей и для детей. Рассмотрим примеры (некоторые из них найдены в сети Интернет).

Диалекты. *Старому Емеле, до ужаса боявшемуся мышей, подсунули в карман дохлого мыша, как вышли, допросили на понюшку табаку* (В. Шишков. "Спектакль в селе Огрызове"); *Значит и ты, сукин сын, не от матки своей, а от обезьяны? Может, от кошки али от мыша?* (В. Шишков. "Торжество"); *А ведь этот самый мыш какую-нибудь се-ребрушку обронил* (В. Шишков. "Тасжный волк"); *А если не сравняться мышу с горой, так какая нам тогда разница?* (Л. Леонов. "Барсуки").

Компьютерный жаргон. *Зачем, зачем я нажимала на леву клавишу мыша?*; *На странице зазывной текст: "В норе Белого Мыша вы найдете себе занятие по душе!"*; *Эй, Мыша! Рядом!*; *Ты что, мышом* *вверху кликнуть не можешь?*

Рыболовецкий жаргон. *А теперь непосредственно о рыбалке "на мыша". Этот способ основан на том, что подводные хищники питаются не только рыбой, не брезгают они и грызунами, в том числе мышами; Сейчас в любом крупном восточно-сибирском городе искусственного мыша с прикрепленным к нему тройником можно приобрести в магазине; На мыша приходилось вытаскивать и окуней, и даже щук.*

Молодежный жаргон. *Тогда мыша видит, что чувак совсем не пацифист и настроен очень решительно.*

Всю ночь во сне что-то звал

такое вот лихое,

Что никак не вспомнить ни мне,

ни тебе,

Ни мышу, ни камышу, ни конуре,

ни кобуре.

Вниз скатятся две капли ртути

И будут плавать в молоке,

Пролившимся из чьей-то кружки

На элитарный сарафан

Спешашей в церковь побирушки,

Чей муж — известный шарлатан,

Который мне всучил "Намедни",

Парфенова, и три гроша,

И полное собранье бредней

Большого Хищного Мыша.

Высказывания детей и для детей. *Мышь внимательно посмотрел на фею, протянул ей сок и переменялся в лице.*

— *Братец, дорогой!* — *закричала она с порога. — Наши погреба, полные припасов, больше нам не понадобятся!* — *и Мышка заревела в голос.*

— Ты что, ты что, — всполохился **Мыш-Мыш**. — Ты что болтаешь? С братьями и сестрами **Мыш** был не слишком дружен.

Некоторые авторы тонко чувствуют родной язык, размышляют о нем. Например, Г. Кашуба пишет так:

Такую рыбу лучше всего брать на мыша. По законам русского языка правильно было бы сказать — на "мышь". Но именно таково название этого, на мой взгляд, одного из самых увлекательных видов рыбалки, там где оно применяется — в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Всюду, где водится таймень и ленок — хищные рыбы семейства лососевых (Г. Кашуба. "На «мыша»").

В приведенной ниже детской сказке автор рассуждает о правилах современной русской орфографии. Он олицетворяет героев, более того, переносит в сказочный мир обычаи нашего общества:

Жил-был маленький мышонок. Имени у него не было. Потому что он был самым младшим в семье, а семья была такая большая, что ему имени не досталось, — так объяснили мышонку родители. Все известные мышьи имена носили его старшие братья, его же звали просто **Мыш** — без мягкого знака, ведь он был мальчиком, а не девочкой. И Мыш страдал. Без имени ему стыдно было даже высунуться из норки — соседские мышата поднимали писк.

Сделаем небольшое историческое отступление. Имена собственные — особая группа слов любого языка. Языковые законы здесь не так сильны, есть и собственные правила. Так, фамилию *Карова* не будет исправлять никто, а название города *Гусь-Хрустальный* пишется именно так, через дефис, а не отдельно. Это — одно слово. С другой стороны, ничто не происходит без причины, что мы и наблюдаем на следующем примере. Откроем энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Герой одной из статей — Мыш Михаил Игнатьевич, "русский юрист, знаток административного права" [8, т. 20, с. 285]. М. И. Мыш написал ряд статей для этого словаря, о чем нам рассказывает список авторов [8, т. 41а, с. 3]. Есть в словаре и другой Мыш — Владимир Михайлович — "хирург" [8, т. 3д, с. 277]. Можно вспомнить и еще одного известного человека. В 1902 г. в Томске родился Дмитрий Владимирович Мыш, майор медицинской службы, директор Иркутского государственного медицинского института (1946—1951). Во всех этих случаях, по-видимому, реальный пол лица привел к перемене рода.

Вернемся к слову *мышь/мыш* в русском языке. Действие закона аналогии, языковые процессы, направленные на дальнейшее упорядочение

Мы осовременили написание фамилий этих людей. В словаре, конечно, напечатано *Мышь*. Ер (ь) на конце, в отличие от еря (ь) в сочетании *мышь полевая*, указывает на мужской род (ср. *советь*).

системы, приводят к расшатыванию формы *мышь*, -и. Однако говорить о переменах рода еще, конечно, рано.

В славянских языках противоречие между внешним видом и грамматической характеристикой словоформы разрешается по-разному. В польском языке сохранено противоречивое сочетание женского рода и основы на шипящий (*mysz*). В сербском и хорватском — ситуация иная, более стандартная с точки зрения массового соответствия мужского рода основе на согласный (*по/ьски миш* 'полевая мышь' — *по/ьского миша* 'полевой мышья'). Нормализована, хотя и по-другому, в пользу женского рода, ситуация в болгарском языке: *мишка, полска мишка* 'полевая мышь'.

О непростой судьбе слов на мягкую согласную можно рассказать школьникам при изучении правописания мягкого знака после шипящих. При освоении склонения существительного важно показать прочную основу, стойкую закономерность образования форм в зависимости от окончания слова в именительном падеже единственного числа. Акцентировать внимание на отклонениях типа *путь, имя, дочь* и под. лучше потом, после усвоения правила. Возможно, приведенные сведения пригодятся в кружковой работе, на факультативе, викторине. Сказку про Мыша можно инсценировать.

В одной научно-популярной книжке про язык приводится такое забавное и одновременно методически ценное стихотворение [6, с. 51]. Предложите ученикам найти ошибки в роде существительных.

Слыхали эту новость?	Он съел жилету кунью
У нас в шкафу живет	И дедовский папах,
Тот, кто любую овощь,	Персодем и шампунью
Любой продукт скует.	Который весь пропах.
Он яблоч, помидору	Так кто ж ту путь проделал
И всю картофель съест,	Из шкафа в антресоль?
Баранок без разбору	Мыш ненасытный, где он?
Умнет в один присест.	Где он, огромный моль?
Прожорлив, как собака,	Вы скажете: не верим!
Тот, кто живет в шкафу:	Чтоб все пустить в труху?
Пропали тюль и тапок	...Но есть обжора Время —
И туфель на меху.	Вот кто живет в шкафу.

В некоторых случаях полезно отработать русско-белорусские несоответствия. Учащиеся смешивают в своей речи русские и белорусские слова, образуют неправильные формы. Надо указывать на межязыковые различия. Сначала знакомим учеников с проблемой, приведя примеры из речи одноклассников. Потом рассматриваем стихотворение Янки Купалы "Тэта крык, што жыве Беларусь":

Ш завьлі ваўм, ці заенчы Віхор,
Ці запёў салавей, ці загагала гусь, —
Я тут бачу свой край, поле, рэчку і бор,
Сваю матку-зямлю — Беларусь.

А вот як не любіць гэта поле і бор,
І зялёны садок, і крыюйваю гусь!..
А што часам тут страшна заенча Віхор, —
Гэта энк, гэта крык, што жыве Беларусь!

Мы видим, что в белорусском языке слово *гусь* женского рода, в отличие от русского. Проблемы взаимодействия русского и белорусского языка в речи белорусов, интерференция и смежные явления подробно освещены в монографии Л. Г. Мощенской [4]. Знания можно закрепить в таком упражнении.

Определите род имен существительных в русском и белорусском языках. Подберите к ним согласованные определения.

Летопись — леташіс, россыпь — россып, живопись — жывашс, роспись — роспіс, рукопись — рукапіс, фальшь — фальш, бездорожье — бездараж, гусь — гусь, гармонь — гармошк, собака — сабака, тень — цень, щенок — шчаня (шчанё), польнь — палын, копыто — капыт, гвоздика — гваздзіц, фасоль — фасоля.

(Этот и другие материалы о роде в русском и белорусском языках см. в книге "Сопоставительный курс русского и белорусского языков" [1, с. 99—102].)

1. Бордович А. М., Гируцкий А. А., Чернышева Л. В. Сопоставительный курс русского и белорусского языков. — Мн.: Ушверсітэцкае, 1999. — 223 с.

2. Волгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — 304 с.

3. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. — М.: Наука, 1976. — 454 с.

4. Мощенская Л. Г. Как белорусы говорят по-русски? / Под ред. П. П. Шубы. — Мн.: Университетское, 1992. — 158 с.

5. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. — М.: Наука, 1971. — 298 с.

6. Норман Б. Ю. Язык: Знакомый незнакомец. — Мн.: Выш. шк., 1987. — 222 с.

7. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М.: АСТ, 1998. — 384 с.

8. Энциклопедический словарь. — СПб.: Брокгауз и Ефронь, 1897—1906.

Н. В. Яскевич, преподаватель кафедры культуры речи и методики его преподавания русского языка и литературы
БГПУ им. Максима Танка

Семантическая структура зооморфизмов в языке А. С. Пушкина и Янки Купалы

Как известно, А. С. Пушкин и Янка Купала оставили заметный след в культурно-историческом развитии русского и белорусского народов, сыграли важную роль в становлении и развитии русского и белорусского национальных литературных языков. Творчество поэтов — это богатейший материал для изучения метафорических систем языков, выявления их общих и специфических черт.

Изучение зооморфических метафор (греч. *зоон* 'животное', *морфэ* 'форма') в пушкинском и купаловском контекстах представляет интерес с точки зрения коннотативной интерпретации их переносных лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) и позволяет определить, какие зооморфизмы и их значения являются характерными только для языка Пушкина и Купалы, а какие стали достоянием современных русского и белорусского языков, а также проследить процессы семантических изменений в структуре полисемантов за прошедший период.

Изучение зооморфических метафор (греч. *зоон* 'животное', *морфэ* 'форма') в пушкинском и купаловском контекстах представляет интерес с точки зрения коннотативной интерпретации их переносных лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) и позволяет определить, какие зооморфизмы и их значения являются характерными только для языка Пушкина и Купалы, а какие стали достоянием современных русского и белорусского языков, а также проследить процессы семантических изменений в структуре полисемантов за прошедший период.

Материалом для исследования послужили "Словарь языка Пушкина" [1], в котором выявлено 59 зооморфизмов, и первые четыре тома "Слоўшка мовы Купалы" [2], в котором выявлено 80 метафор.

Сопоставление семантических структур зооморфизмов современных толковых словарей [3, 4] и их эквивалентов в языках Пушкина и Купалы показывает, что большинство метафор сохранило однотипные переносные ЛСВ и в языке эпохи жизни поэтов. Так, совпадение метафорических значений полисемантов наблюдается: у Пушкина *лебёдушка* 'ласковое обращение к девушке, женщине' — у Купалы *лябёдка* 'ласкавая назва жанчыны або дзяўчыны', *зверь* 'жестокий, бессердечный человек' — *звер* 'злы, жорстга чалавек', *змея, змей* 'хитрый, коварный человек' — *змея, змей* 'каварны, злы чалавек', *сорока* 'шумный, болтливый человек' — *сарока* 'балбахшвая, шумлівая жанчына'. Приведем несколько примеров из произведений Пушкина и Купалы: *Я так его любила. Или он звер? Иль сердце у него Косматое?; На тое ж Аленку Узяў жонкай цяпер, Каб над ей глумхўся Распасвены звер [пан] ?!; Прости, прощай — с тобою ли твоя княгиня-лебёдушка?; Жыў, любіў сгротку... Ночт*